

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-67-75>

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТА, НЕ ПРИВЛЕКАЕМОГО К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Хмыров Р.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Хмыров Р.В. Особенности производства обыска в отношении адвоката, не привлекаемого к уголовной ответственности. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(2):67–75. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-67-75>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Хмыров Ростислав Владимирович, вице-президент Адвокатской палаты Краснодарского края, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: + 7 (861) 268-59-64

E-mail: 2441313@kkka13.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.04.2026

Статья принята к печати: 26.05.2026

Дата публикации: 25.06.2026

Аннотация: Исследование посвящено комплексному анализу правовых и организационных особенностей производства обыска в отношении адвоката, не обладающего процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого.

Цель работы: определить специфику правового режима обыска у адвоката как самостоятельного уголовно-процессуального института, выявить системные пробелы законодательного регулирования и сформулировать предложения по усилению гарантий независимости адвокатской деятельности. Задачи включают раскрытие содержания оценочной категории «достаточные данные» применительно к статусу адвоката, характеристику уровней процессуальных гарантий и разграничение процессуальных режимов производства следственных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ.

В исследовании использовались диалектический, сравнительно-правовой, системный и структурный методы, метод правового моделирования, а также формально-юридический метод и метод толкования норм права.

Результаты исследования. Обосновано, что категория «достаточные данные» применительно к обыску у адвоката приобретает особое содержание и подлежит оценке сквозь призму трех взаимосвязанных критериев: объективного подтверждения нахождения искомых объектов в помещении адвоката, наличия сведений, позволяющих преодолеть адвокатскую тайну, и конкретизированности отыскиваемых объектов. Выявлены и содержательно охарактеризованы процессуальные гарантии: повышенные требования к обоснованию необходимости производства следственного действия, императивное требование согласования ходатайства с руководителем следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ, обязательный судебный контроль и присутствие представителя адвокатской палаты при производстве обыска в помещении адвоката. Установлена бинарная правовая природа ст. 450.1 УПК РФ, объединяющей два самостоятельных процессуальных режима – в отношении адвоката, привлекаемого к уголовной ответственности, и адвоката, не являющегося субъектом уголовного преследования.

Вывод. Автором обосновывается, что институт обыска у адвоката выступает индикатором реальной защищенности конституционного права каждого на квалифицированную юридическую помощь. Дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства должно осуществляться в направлении конкретизации оснований и процедуры обыска, закрепления безусловной недопустимости доказательств, полученных с нарушением гарантий сохранности профессиональной тайны адвоката, а также усиления роли представителя адвокатской палаты как обязательного участника данного следственного действия.

Ключевые слова: адвокат, следственные действия у адвоката, следственные действия в отношении адвоката, обыск в отношении адвоката.

THE SPECIFICS OF CONDUCTING A SEARCH IN RELATION TO A LAWYER WHO IS NOT CRIMINALLY LIABLE

Rostislav V. Khmyrov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Khmyrov R.V. The specifics of conducting a search in relation to a lawyer who is not criminally liable. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(2):67–75. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-67-75>

CONTACT INFORMATION:

Rostislav V. Khmyrov, Vice President of the Krasnodar Krai Bar Association, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: 149 Stavropolskaya St., Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: + 7 (861) 268-59-64

E-mail: 2441313@kkka13.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 27.04.2026

The article has been accepted for publication: 26.05.2026

Date of publication: 25.06.2026

Annotation: This study provides a comprehensive analysis of the legal and organizational aspects of conducting a search of a lawyer who does not have the procedural status of a suspect or accused.

The *Objective:* To determine the specifics of the legal regime governing searches of lawyers as an independent criminal procedural institution, identify systemic gaps in legislative regulation, and formulate proposals for strengthening guarantees of the independence of legal practice. The objectives include clarifying the content of the "sufficient data" assessment category in relation to a lawyer's status, characterizing the levels of procedural guarantees, and distinguishing between the procedural modes of conducting investigative actions stipulated by Part 1 of Article 450.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

The study utilized *methods* dialectical, comparative legal, systemic, and structural methods, as well as legal modeling, formal legal methods, and the method of interpreting legal norms.

Results of the study. It is substantiated that the category of "sufficient evidence" in relation to a search of a lawyer's premises acquires a special meaning and is subject to assessment through the prism of three interrelated criteria: objective confirmation of the location of the sought-after objects on the lawyer's premises, the availability of information that allows for overcoming attorney-client privilege, and the specificity of the objects sought. Procedural guarantees are identified and substantively characterized: increased requirements for justifying the need for investigative action, the mandatory requirement for approval of the petition by the head of the investigative body of the Investigative Committee of the Russian Federation for the constituent entity of the Russian Federation, mandatory judicial review, and the presence of a representative of the Bar Association during a search of the lawyer's premises. The binary legal nature of

Article 107 of the Criminal Code is established. Article 450.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which combines two independent procedural regimes—one for a lawyer facing criminal liability and one for a lawyer who is not the subject of criminal prosecution.

Conclusion. The author argues that the institution of a search of a lawyer's premises serves as an indicator of the genuine protection of everyone's constitutional right to qualified legal assistance. Further improvements to criminal procedure legislation should be aimed at specifying the grounds and procedures for searches, enshrining the absolute inadmissibility of evidence obtained in violation of guarantees of professional confidentiality, and strengthening the role of the representative of the Bar Association as a mandatory participant in this investigative action.

Keywords: lawyer, investigative actions at a lawyer's premises, investigative actions against a lawyer, search of a lawyer.

Введение

Одним из наиболее дискуссионных и научно значимых следственных действий современного уголовного процесса является производство обыска у адвоката. Вопросы производства обыска традиционно интересуют не только практиков, но и ученых: А.В. Абакшина [1, с. 563–568], Е.О. Бикметову [2, с. 19–20], Н.В. Егорова [4, с. 142–146], Е.В. Лукьянову [5, с. 158–163], Р.А. Хашимова [9, с. 92–98], И.С. Щелконогову [10, с. 41–43] и многих других.

Обыск в отношении адвоката, в особенности не обладающего процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, представляет собой следственное действие повышенной рискованности. Оно сопряжено с реальной угрозой неправомерного доступа к документам адвоката, содержащим сведения, составляющие его профессиональную тайну. Передавая документы, или сообщая сведения адвокату, лицо, реализующее право на получение квалифицированной юридической помощи, абсолютно уверено в конфиденциальности коммуникации с адвокатом. Отношения, которые возникают между лицом, обратившимся за юридической помощью, и адвокатом, строятся на доверии.

Проблематика настоящего исследования сосредоточена именно на ситуации, когда адвокат не выступает в качестве лица, в отношении которого ведется обвинительная деятельность, т.е. не является ни подозреваемым, ни обвиняемым в уголовном деле, в рамках которого производится следственное действие. В этом контексте обыск перестает быть ординарным инструментом собирания доказательств и трансформируется в потенциальный механизм, несущий риски раскрытия профессиональной тайны адвоката и, как следствие, нарушения конституционных прав граждан – доверителей адвоката, в помещении которого производятся следственные действия.

Целью настоящей статьи является выявление и систематизация процессуальных особенностей производства обыска в отношении адвоката, не привлекаемого к уголовной ответственности, а также разработка научно обоснованных рекомендаций по оптимизации правового регулирования данного следственного действия.

Методы исследования

Методологическая основа исследования носит комплексный характер и сочетает в себе несколько взаимодополняющих подходов, что обусловлено межотраслевой спецификой рассматриваемой проблемы, находящейся на стыке уголовно-процессуального права и адвокатологии.

Диалектический метод позволил выявить коллизию между публично-правовой потребностью государства в эффективном расследовании преступлений, посредством производства обыска, в том числе в помещении адвоката и конституционно гарантированным правом лица на получение юридической помощи, неразрывно связанным с необходимостью обеспечения режима профессиональной тайны адвоката. Применение указанного метода позволило рассмотреть развитие правового регулирования производства обыска в отношении адвоката не как неподвижную форму, а как динамический процесс последовательного расширения процессуальных гарантий независимости профессиональной деятельности лица обладающего статусом адвоката.

Кроме указанных использовались сравнительно-правовой метод, системный и структурный методы, метод правового моделирования, а также формально-юридический метод.

Результаты исследования

Анализ нормативной базы, доктринальных источников и правоприменительной практики позволяет утверждать, что производство обыска у адвоката, не обладающего процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, не может рассматриваться как ординарное следственное

действие и требует принципиально иного уровня процессуальных гарантий. Выявлен ряд существенных характеристик, позволяющих квалифицировать данный вид обыска как самостоятельный уголовно-процессуальный институт с особым правовым режимом, обусловленным необходимостью защиты адвокатской тайны.

Научная дискуссия

Законодатель и правоприменительная практика выработали особый правовой режим производства обыска у адвоката, который включает ряд ключевых элементов:

1. Повышенный стандарт обоснования необходимости производства следственного действия в отношении адвоката, нашедший свое закрепление в ч. 2 ст. 450.1 УПК РФ. Так, в отличие от обыска в жилище иных лиц (не поименованных в ст. 447 УПК РФ). Ключевым условием производства обыска как в помещении (жилом или служебном) адвоката выступает наличие достаточных данных, подтверждающих, что именно в указанном месте, у данного адвоката локализованы предметы или документы, обладающие доказательственной ценностью для уголовного дела и при этом не выпадающие из-под охраны профессиональной тайны адвоката.

Вот только что скрывается за понятием «достаточные данные», и где та грань, которая отделяет имеющийся у следователя объем информации от того критического минимума, который позволяет вторгнуться в профессиональную сферу адвоката?

Отвечая на вопрос, необходимо подчеркнуть, что категория «достаточные данные» относится к числу оценочных понятий уголовно-процессуального закона, не имеющих легальной дефиниции, но получивших глубокую доктринальную разработку и судебное толкование. В своей основе «достаточные данные» – это совокупность фактических сведений (доказательств или результатов оперативно-розыскной деятельности), которые на данном этапе судопроизводства формируют у следователя и суда обоснованное убеждение в том, что в определенном месте или у определенного лица могут находиться некие предметы, имеющие значение для уголовного дела. Речь идет не о доказанности факта совершения преступления, а о вероятностном знании, однако таком, которое имеет под собой реальную фактическую основу, а не является голым предположением или интуитивной догадкой.

Применительно к лицу, наделенному статусом адвоката понятие «достаточные данные» приобретает особое содержание. Как справедливо отмечает адвокат О.И. Бибик¹, «расплывчатость уголовно-процессуального закона позволяет объявить достаточными данными что угодно – любую сплетню, домысел или вещий сон, приснившийся накануне следователю». Эта ирония, к сожалению, отражает реалии правоприменительной практики, когда под видом «достаточных данных» нередко фигурирует информация, не выдерживающая проверки на достоверность и конкретность.

Верховный Суд РФ последовательно акцентирует внимание, указывая, что при рассмотрении ходатайства о производстве обыска суд обязан «проверить наличие фактических обстоятельств, служащих основанием для производства указанного в ходатайстве следственного действия». В п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19² говорится о том, что: судье надлежит убедиться, что в материалах уголовного дела имеются достаточные данные полагать, что именно в указанном месте локализованы объекты, обладающие доказательственным значением для уголовного дела.

В отношении адвоката требование конкретизации приобретает дополнительное измерение. Статья 450.1 УПК РФ прямо требует указания в судебном постановлении не только данных, служащих основанием для производства следственных действий, но и конкретных отыскиваемых объектов. Это означает, что следователь должен обладать сведениями, позволяющими индивидуализировать искомые предметы или документы, а суд – проверить обоснованность их связи с расследуемым событием.

Особо строгий подход к оценке достаточности данных применительно к адвокату обусловлен сформулированной позицией Конституционного Суда РФ, нашедшей свое отражение

¹ Бибик О.И. «Достаточные данные» Особенности национального обыска // Новая Адвокатская Газета [сайт]. Адвокатская газета; 2026 [обновлено 15 июня 2012; процитировано 18 апреля 2026]. Доступно: <http://www.old.advgazeta.ru/rubrics/12/816>.

² О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 г. № 19 // Российская газета. № 125. 09.06.2017.

в Постановлении от 17 декабря 2015 г. № 33-П¹. Суд указал, что изъятию подлежат только те материалы, которые «не связаны непосредственно с нарушениями со стороны как адвоката, так и его доверителя, совершенными в ходе производства по данному делу, которые носят уголовно наказуемый характер». Таким образом, наличие достаточных данных призвано обосновывать, что искомые объекты либо не подпадают под режим адвокатской тайны (например, являясь орудиями преступления или предметами, изъятими из оборота), либо подтверждают факт использования адвокатом своего статуса в противоправных целях.

А.С. Шаталов² обращает внимание на оценочную природу термина «достаточные данные», содержание которого не имеет раз и навсегда заданной формулы и определяется правоприменителем ситуативно, в зависимости от совокупности фактов по делу.

Как отмечается в курсе уголовного процесса под редакцией Л.В. Головки, категория «достаточные данные» образует фактический базис, без которого невозможно говорить о законности принятия решения о производстве обыска и иных следственных действий, сопряженных с принуждением³.

С.О. Махтук, проведя анализ законодательства и судебной практики, обоснованно говорит о том, что судебные решения, влекущие ограничение конституционных прав личности – будь то избрание меры пресечения или иное принуждение, – обретают законность лишь тогда, когда опираются не на песок абстрактных «достаточных данных», а на фундамент из надлежащих доказательств, прошедших процедуру судебной оценки [6, с. 31–35].

Разделяя приведенную позицию, полагаем необходимым подчеркнуть: использование законодателем в УПК РФ термина «достаточные данные» применительно к решениям, принимаемым на досудебных стадиях, не должно маскировать истинную природу этих сведений. Мы считаем, что любые фактические данные, на которых основывается властное волеизъявление следователя или дознавателя, фактически приобретают доказательственное значение. Игнорирование этого обстоятельства нивелирует различие между информацией, подлежащей проверке, и информацией, уже получившей процессуальную легитимацию в качестве основания для ограничения прав.

В связи с этим представляется, что обоснование процессуальных решений возможно лишь достаточными доказательствами, поскольку только они обеспечивают необходимый уровень процессуальных гарантий.

Таким образом, разрешая вопрос о достаточности данных для проведения обыска в помещении, используемом адвокатом в профессиональных целях, правоприменитель должен оценивать имеющуюся информацию сквозь призму трех взаимосвязанных критериев. Первый из них – наличие фактических сведений, объективно указывающих на то, что в адвокатском производстве сосредоточены предметы или документы, релевантные для расследуемого уголовного дела; второй – данные, позволяющие преодолеть адвокатский иммунитет (указывающие на противоправный характер деятельности либо на нахождение предметов, изъятых из оборота); и третий – конкретность и индивидуализированность искомых объектов, исключая «зондирующий» обыск с целью поиска неизвестно чего.

Только совокупность этих элементов позволяет говорить о том, что «достаточные данные» действительно являются достаточными, а само вторжение в профессиональную деятельность адвоката является соразмерным и необходимым.

Однако одних только достаточных данных для производства обыска в отношении адвоката недостаточно. Уголовно-процессуальный закон устанавливает и другие обязательные требования, которые правильнее было бы назвать гарантии независимости адвокатской деятельности.

2. В силу прямого указания закона (п. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре) производство обыска в отношении адвоката (за исключением случаев, не терпящих отлагательства) допускается только на основании судебного решения. Суд, проверяя материалы, должен оценить не только формальную

¹ По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 г. № 33-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 52 (часть I). Ст. 7682.

² Шаталов А.С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебный курс: В 3 т. Т. 1. Общие положения. М.: ИД МПА-Пресс, 2012. С. 22.

³ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 689.

законность ходатайства следователя, но и соразмерность вторжения в профессиональную деятельность адвоката тем целям, которые преследует расследование.

3. Ключевой процессуальной гарантией при производстве обыска в отношении адвоката выступает обязательное участие представителя адвокатской палаты субъекта РФ. В силу прямого указания закона (ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ) такой представитель – член совета адвокатской палаты либо иное лицо, уполномоченное ее президентом, – привлекается к участию в обыске, проводимом как в служебном, так и в жилом помещении, используемом адвокатом для профессиональной деятельности. В.Ю. Стельмах [7, с. 46–50], систематизируя права представителя адвокатской палаты, закрепленные региональными внутрикорпоративными актами (знакомиться с постановлением суда, общаться с адвокатом, приносить возражения на протокол и обжаловать действия следователя), подчеркивает его особый правовой статус – не защитника и не специалиста, а представителя всего адвокатского сообщества, действующего в публично-правовых интересах. О.В. Гладышева приходит к выводу о том, что участие Представителя адвокатской палаты является еще и правовым способом вовлечения органа адвокатского самоуправления в содействие защитнику [3, с. 72–81]. Разделяя мнение авторов, полагаем необходимым подчеркнуть, что присутствие представителя адвокатской палаты призвано обеспечить решение следующих взаимосвязанных задач:

- защиту адвокатской тайны – недопущение ознакомления участников следственного действия с материалами производства адвоката в отношении доверителей, чьи дела не связаны с расследуемым преступлением;

- предотвращение изъятия всего адвокатского производства – гарантию того, что изъятию подлежат лишь строго определенные в судебном решении предметы и документы, а не весь массив документов, содержащихся у адвоката и переданных ему его доверителем;

- фиксацию допущенных в ходе обыска нарушений, делать подлежащие занесению в протокол заявления и в дальнейшем выступать свидетелем соблюдения (или несоблюдения) процедурных гарантий при возможном обжаловании результатов следственного действия;

- недопустимость фотографирования, киносъемки, видеозаписи и иной фиксации материалов адвокатских производств.

Для адвоката, не обладающего процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, уголовно-процессуальный закон устанавливает усиленный режим правовой защиты, закрепленный в ч. 5 ст. 450 УПК РФ: производство следственных и процессуальных действий возможно лишь по судебному разрешению, выносимому судом, указанным в ст. 448 УПК РФ. При этом п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ предусматривает, что инициирование уголовного преследования в отношении адвоката возможно исключительно по решению руководителя следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ либо лица, исполняющего его обязанности.

Таким образом, правило, содержащееся в ч. 5 ст. 450 УПК РФ, предусматривает необходимость получения согласия на обращение в суд у должностного лица, обладающего компетенцией, предусмотренной п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, т.е. у руководителя следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ.

Анализ судебной практики показал, что несоблюдение требования о согласовании ходатайства именно с должностным лицом, указанным в п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, является существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Это посягает на право адвоката на законное судебное решение и ставит под сомнение все последующие доказательства, полученные в ходе такого следственного действия.

В качестве примера игнорирования требований ч. 5 ст. 450 УПК РФ можно привести Постановление Октябрьского районного суда г. Краснодара от 6 июля 2023 г.¹, которым следователю дано разрешение допросить адвоката в качестве свидетеля. Ходатайство старшего следователя второго следственного отделения второго отдела по расследованию особо важных дел СУ СК РФ по Краснодарскому краю было согласовано с его непосредственным руководителем, а не с руководителем следственного органа СК РФ по субъекту РФ, как того требует ч. 5 ст. 450 УПК РФ.

Показательным примером обесценивания гарантий неприкосновенности адвоката служит ситуация, когда суд, разрешая ходатайство о допросе адвоката в качестве свидетеля по делу его же доверителя, оставил без внимания грубое процессуальное нарушение на стадии инициирования этого ходатайства. Давая формальное согласие на следственное действие, судья не проверил наличия

---

¹ Постановление Октябрьского районного суда г. Краснодара от 6 июля 2023 г. по делу № 3/12-11/2023 // Архив Октябрьского районного суда г. Краснодара.

обязательного согласования с надлежащим должностным лицом. Тот факт, что ходатайство было согласовано не руководителем следственного органа СК РФ по субъекту РФ (как того требует п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 5 ст. 450 УПК РФ), а непосредственным руководителем следователя, остался за рамками судебного контроля. Тем самым суд фактически узаконил обход особого порядка, установленного гл. 52 УПК РФ.

Краснодарский краевой суд, отменяя постановление районного суда от 2 октября 2023 г.¹, указал: «...ходатайство следователя согласовано с неуполномоченным на то должностным лицом, то есть руководителем отдела, а не руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, как того требует закон».

Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в Постановлении от 4 декабря 2025 г. № 77-3911/2025², рассмотрев в открытом судебном заседании кассационную жалобу адвоката Шмакова С.А. в защиту интересов осужденного, который относится к кругу лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ, в отношении которых предусмотрен особый порядок производства по уголовным делам, предполагающий дополнительные гарантии при возбуждении уголовного дела, задержании, избрании мер пресечения и производстве отдельных следственных действий (ст. 448 – 450 УПК РФ), включая требования о получении согласия суда, указанного в ч. 1 ст. 448 УПК РФ, для производства в отношении «специальных субъектов» следственных и иных процессуальных действий, осуществляемых в соответствии с УПК РФ.

Указанное постановление суда кассационной инстанции интересно тем, что суд, опираясь на ч. 5 ст. 450 УПК РФ, приходит к выводу о том, что по смыслу закона, в качестве дополнительных гарантий в отношении лиц с особым правовым статусом, в отношении которых уголовное дело не возбуждено в порядке главы 52 УПК РФ либо обвинение в таком порядке ему не предъявлено, то вступает в действие режим повышенных процессуальных гарантий: любые процессуальные решения, затрагивающие права такого лица, могут приниматься исключительно по специальной процедуре – в частности, уполномоченным должностным лицом следственного органа, закрепленного в главе 52 уголовно-процессуального закона.

То есть, правом на производство следственных и иных процессуальных действий в отношении адвоката (не привлекаемого к уголовной ответственности) обладает следователь Следственного комитета.

Говоря о процессуальных гарантиях адвоката, нельзя не обратиться к ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ. Как справедливо отмечает Р.Р. Умярова [8, с. 61–65], конструкция указанной статьи сложна для восприятия и имеет ряд значительных погрешностей. Законодатель объединил в ней два самостоятельных, хотя и внешне сходных, процессуальных института.

При структурном анализе указанной нормы отчетливо выявляется ее бинарная природа. В диспозиции статьи заложены две различные фактические ситуации:

- адвокат привлекается к уголовной ответственности;
- адвокат, не привлекаемый к уголовной ответственности.

Для адвоката, не привлекаемого к уголовной ответственности, законодатель предусмотрел повышенный стандарт судебного контроля: ходатайство перед судом возбуждается следователем с согласия руководителя следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ (ч. 5 ст. 450 УПК РФ).

Таким образом, ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ, при внешнем единообразии текста, закрепляет два самостоятельных процессуальных режима, различающихся по своему фактическому составу и правовым последствиям, но объединенных общим предметом правового регулирования – неприкосновенностью адвокатской деятельности.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы, обладающие научной и практической ценностью.

Обосновано, что особый правовой режим обыска у адвоката, не привлекаемого к уголовной ответственности, представляет собой не суммирование общего порядка, закрепленного ст. 182 УПК РФ и дополнительных гарантий, изложенных в ст. 450.1 УПК РФ, а их системное единство,

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 2 октября 2023 г. по делу № 22-6109/2023 // Архив Краснодарского краевого суда.

² Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04.12.2025 г. № 77-3911/2025 // Архив Восьмого кассационного суда общей юрисдикции.

усиленное императивным требованием содержащимся в ч. 5 ст. 450 УПК РФ, что позволяет рассматривать данный режим как самостоятельный уголовно-процессуальный институт.

Установлено, что ключевой предпосылкой законности производства обыска у адвоката выступает наличие достаточных данных, образующих фактический базис следственного действия. Являясь оценочной категорией, «достаточные данные» применительно к обыску у адвоката приобретают дополнительное содержательное измерение, требующее от правоприменителя оценки представленных материалов сквозь призму трех взаимосвязанных критериев: а) объективного подтверждения локализации искомых объектов в помещении адвоката; б) наличия сведений, позволяющих преодолеть адвокатский иммунитет; в) конкретизированности отыскиваемых предметов или документов. Отсутствие хотя бы одного из названных элементов должно влечь отказ в удовлетворении ходатайства следователя.

Выявлена бинарная правовая природа ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ, объединяющая два самостоятельных процессуальных режима: производство обыска у адвоката, привлекаемого к уголовной ответственности, и у адвоката, не являющегося субъектом уголовного преследования. Для последнего законодателем установлен повышенный стандарт судебного контроля, включающий обязательность согласования с руководителем следственного отдела Следственного комитета РФ по субъекту РФ ходатайства о производстве следственного действия.

Изложенные выводы свидетельствуют о том, что дальнейшее развитие института обыска у адвоката должно осуществляться в направлении усиления процессуальных гарантий независимости адвокатской деятельности при одновременном сохранении возможностей эффективного расследования преступлений. Только такой подход способен обеспечить соблюдение конституционного баланса ценностей и укрепить доверие к институту адвокатуры как необходимому элементу состязательного правосудия.

Список использованной литературы:

1. Абакшин А.В. Особенности производства обыска в отношении адвоката. *XLVIII Огаревские чтения: материалы научной конференции. В 3-х частях: ч. 3* (г. Саранск, 6–13 декабря 2019 г.) / сост. А.В. Столяров, отв. за выпуск П.В. Сенин. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева; 2020.
2. Бикметов Е.О. Проблемы производства обыска и выемки в отношении адвоката. *Правовая защита частных и публичных интересов: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти выдающегося российского адвоката Федора Никифоровича Плевако (1842–1908)* (г. Челябинск, 14–15 апреля 2017 г.). Челябинск: Общество с ограниченной ответственностью «Полиграф-мастер»; 2019.
3. Гладышева О.В., Хмыров Р.В. Представитель адвокатской палаты и его доступ в уголовное судопроизводство: современные проблемы и пути их решения. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;(4):72–81.
4. Егоров Н.В. Проблемные вопросы производства обыска жилища в отношении адвоката. *Правовое образование: сборник научных статей. Том 13*. Ростов-на-Дону: Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет

References:

1. Abakshin A.V. [Features of conducting a search in respect of a lawyer]. *XLVIII Ogarevskie chteniya: materialy nauchnoy konferentsii. V 3-kh chastyakh: ch. 3* (Saransk, 6–13 December 2019) = *XLVIII Ogarev Readings: proceedings of the scientific conference. In 3 parts: part 3* / Comp. by A.V. Stolyarov, ed. by P.V. Senin. Saransk: National Research Ogarev Mordovia State University; 2020. (In Russ.)]
2. Bikmetov E.O. [Problems of conducting a search and seizure in respect of a lawyer]. *Pravovaya zashchita chastnykh i publicnykh interesov: sbornik nauchnykh statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati vydayushchegosya rossiyskogo advokata Fedora Nikiforovicha Plevako (1842–1908)* (g. Chelyabinsk, 14–15 aprelya 2017 g.) = *Legal protection of private and public interests: collection of scientific articles of the International scientific and practical conference dedicated to the memory of the outstanding Russian lawyer Fyodor Nikiforovich Plevako (1842–1908)* (Chelyabinsk, 14–15 April 2017). Chelyabinsk: Poligraf-master LLC; 2019. (In Russ.)]
3. Gladysheva O.V., Khmyrov R.V. [The Representative of the Bar Association and His Access to Criminal Proceedings: Current Issues and Solutions]. *YUridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;(4):72–81. (In Russ.)]
4. Egorov N.V. [Problematic issues of conducting a search of a dwelling in respect of a lawyer]. *Pravovoe obrazovanie: sbornik nauchnykh statey. Tom 13* = *Legal education: collection of scientific articles. Vol. 13*. Rostov-on-Don: Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don; 2021. (In Russ.)]

юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону; 2021.

5. Лукьянов Е.В. Особенности производства обыска в отношении адвоката. *Пробелы в российском законодательстве*. 2024;(7(17)):158–163.

6. Махтук С.О. К вопросу о достаточности доказательств, оснований и данных в уголовном процессе. *Российский следователь*. 2022;(2):31–35.

7. Стельмах В.Ю. Процессуальные права представителя адвокатской палаты в ходе следственных действий, производимых в отношении адвокатов. *Адвокатская практика*. 2023;(2):46–50.

8. Умярова Р.Р. Специфика судебного контроля за следственными действиями в отношении адвоката. *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2023;(1(59)):61–65.

9. Хашимов Р.А. Гарантии сохранения адвокатской тайны при проведении обыска в отношении адвоката: судебные правовые позиции. *Уголовная юстиция*. 2016;(1(7)):92–98.

10. Щелконогова И.С. Производство обыска в отношении отдельной категории лиц, в том числе адвоката. *Актуальные вопросы охраны общественного порядка и административной деятельности полиции: материалы межведомственной научно-практической конференции (г. Волгоград, 18 июня 2021 г.)*. М.: ООО «Издательство «Спутник+»; 2021.

5. Luk'yanov E.V. [Features of conducting a search in respect of a lawyer]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*. 2024;(7(17)):158–163. (In Russ.)]

6. Makhtyuk S.O. [On the sufficiency of evidence, grounds and data in criminal proceedings]. *Rossiyskiy sledovatel' = Russian Investigator*. 2022;(2):31–35. (In Russ.)]

7. Stelmakh V.Yu. [Procedural Rights of a Representative of a Bar Association During Investigative Actions Performed Against Lawyers]. *Advokatskaya praktika = Law practice*. 2023;(2):46–50. (In Russ.)]

8. Umyarova R.R. [Specifics of judicial control over investigative actions in respect of a lawyer]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1(59)):61–65. (In Russ.)]

9. Khashimov R.A. [Guarantees of preserving attorney-client privilege during a search in respect of a lawyer: judicial legal positions]. *Ugolovnaya yustitsiya = Criminal Justice*. 2016;(1(7)):92–98. (In Russ.)]

10. Shchelkonogova I.S. [Conducting a search in respect of a special category of persons, including a lawyer]. *Aktual'nye voprosy okhrany obshchestvennogo poriadka i administrativnoy deyatel'nosti politsii: materialy mezhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Volgograd, 18 iyunya 2021 g.) = Topical Issues of Public Order Protection and Administrative Activities of the Police: Proceedings of the Interdepartmental Scientific and Practical Conference (Volgograd, 18 June 2021)*. Moscow: Sputnik+ Publishing House LLC; 2021. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хмыров Ростислав Владимирович

Вице-президент Адвокатской палаты Краснодарского края, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0002-0171-5652

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rostislav V. Khmyrov

Vice President of the Krasnodar Krai Bar Association, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0002-0171-5652